

С. А. АСЛАНЯН

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРМИНА

В современной лингвистической литературе понятию «термин» и свойствам его функционирования уделяется много внимания, причем чем дальше, тем более пристальное. Показательно в этом плане то обстоятельство, что в последнее время к лингвистам примыкают специалисты различных, иногда даже несмежных профилей.

Но здесь важно не столько констатировать указанный факт, сколько разобраться в проблеме природы термина и, в связи с этим, проникнуть в процессы порождения этого класса слов и их функционирования. Мимо этих вопросов в настоящее время никак нельзя проходить равнодушно, особенно в наших условиях, т. к. бурно протекающий прогресс научно-технических знаний и совершенствование средств связи выдвигает новые потребности и в терминологической практике и в практике стандартизации имеющихся фондов, откуда черпаются факты постоянно обогащающейся специальной лексики. Не секрет, что нашему языку часто не хватает нормализации в употреблении терминов, откуда и неестественная для терминологического словоупотребления синонимия и омонимия.

В наше время подчеркивание этой неестественности можно считать трюизмом. На это обстоятельство обратили внимание еще Я. К. Грот и И. И. Давыдов¹, а до них еще в 1812 году об этом писал А. А. Прокопович-Антонский: «значения слов должны быть свойственны и определены... Пока не отличим и не объясним синонимов, до тех пор значение слов будет непостоянно, разнообразно, до тех пор будут употребляться слова без надлежащего разбора»².

Повторяем: одну из причин этого нежелательного явления, т. е. многозначности термина, следует искать в общей неразработанности его лингвистической природы. Конечно, эта неразработанность, в свою очередь, в сущность существенной мере есть порождение того факта, что в современной лингвистике вновь (как и в начале нынешнего века) наблюдается тенденция к более пристальному изучению основ грамматики, чем лексикологии. Правда, как было сказано выше, проблема термина в этом смысле чем-то напоминает «счастливое исключение», но не больше. И в силу этого она оказывается оторванной от основных тенденций развития языкознания, что, несомненно, отражается на решении всей проблемы в целом.

Разумеется, мы в этой небольшой статье ни в какой мере не претендуем на выработку каких-либо «рецептов» относительно словообразования, а тем более нормализации терминированной лексики. Эти задачи едва ли под силу одному человеку — их хотя бы частичное решение могло бы принести честь большому коллективу.

Нашу задачу мы видим в несравненно более скромной постановке вопроса — показать многоплановость самого понятия «термин» и, так сказать, «полигенетичность» терминированных слов в связи с различными тенденциями в использовании имеющихся фондов.

Обратимся к первому кругу вопросов.

Действительно, понятие «термин» очень многопланово и по-разному может оцениваться с различных точек зрения. Тут, пожалуй, единственный момент, не вызывающий, как будто, сомнений. Этот момент находится где-то в сферах высокой теории и относится к набору требований, предъявляемых к термину. Собственно, здесь трудно говорить о «наборе» потому, что речь идет всего о двух желательных факторах, которыми

¹ См. ИОРЯС, т. V, стр. 291 и далее.

² Труды Общества любителей российской словесности, т. 1, 1812, стр. 8—9.

должны отличаться идеальные термины. Первое требование — однозначность термина, второе — стилистически нейтральное употребление этого класса слов.

Как мы постараемся показать ниже, эти два фактора могут соседствовать лишь в теории, практически же они чаще противоречат друг другу. (Хотя бы в силу того, что термин большей частью либо заимствуется, либо калькируется, т. е. образование его протекает по модели, в общем характерной для книжного словоупотребления)

Что же касается прочих аспектов рассмотрения терминированной лексики, то здесь уже нет того единства, которым отличаются вышеприведенные факторы.

Рассмотрим лингвистические основы этих аспектов.

Первым из них можно было бы считать аспект функциональный. Тот факт, что мы на первое место ставим именно этот аспект, тесно связан с традицией функционирования термина. Действительно, термин — явление прежде всего функциональное, ибо его проявление возможно лишь в определенной лексической среде и в определенной понятийной ситуации. Другими словами, в данном случае речь идет о рассмотрении отношений между термином как таковым и системой лексики литературного языка в целом. В плане функциональном возможны самые пестрые и разнообразные отношения между термином как носителем некоторой детерминированной структуры смысла и стиля и лексической средой, которая, так сказать, может быть его фоном.

Для того, чтобы была понятна наша мысль, можно сослаться на любой пример нарочитой дисгармонии между стилистическим фоном контекста и терминированным словоупотреблением. Вспомним хотя бы «Письмо к ученому соседу» А. П. Чехова, характеризующееся указанной дисгармонией, которая и создает комический эффект. Классическим образцом создания подобного эффекта является следующий абзац из «Гаргантюа и Пантагрюэля». Панург, беря под защиту орден нищенствующих братьев, говорит, что кордильеры и янтвиты — суть «два полушария христианского мира благодаря гидрономонической циркумбиливагинации этих с небесисседших противовесов, всякое перефрастическое умопомрачение римской церкви» в том случае, когда ей отшибает помороке какое-нибудь ахинеино-билибердистское заблуждение или ересь, гомоцентрикальное сострясається³.

Если отвлечься от некоторой экстравагантности неологизмов Панурга, то легко заметить, что эта фраза отнюдь не лишена смысла, и в то же время она характеризуется нарочитым искажением функции, необходимой стилистической гармонии между контекстом и терминированными вкраплениями.

Легко заметить, что существуют самые разнообразные факты реализации указанной гармонии — от резких (но продиктованных смысловой необходимостью) вкраплений до нагромождений терминов (причем опять-таки продиктованных смысловой необходимостью), имеющих разнообразные формальные выражения.

И во всех этих случаях создаются сложные и своеобразные функциональные взаимосвязи. При этом необходимо обратить внимание на тот немаловажный (но, к сожалению, слабо исследованный) факт, что функциональный аспект находится в непосредственной взаимосвязи с семантическим.

Действительно, попавшие в соответствующую лексическую среду даже весьма многозначные слова, выступающие в роли термина, как бы сбрасывают с себя весь груз и конкретизируют реализуемые функции. Например, существительное барабан в литературе по вычислительной технике возможно лишь в одном значении. И только желание создать комический эффект может привести к какому-либо иному словоупотреблению, кроме как в частном терминированном смысле (барабан — как техническое устройство для хранения информации — память). В данном случае важно обратить внимание на то, что контекст как бы давит на функции слова, оказывая на него своеобразное воздействие, ведущее к реализации единственно возможного в данном случае значения. Сам механизм воздействия контекста на значение слов — не новость и достаточно хорошо изучен. Но в данном случае обращает на себя внимание факт нейтрализации

³ Гаргантюа и Пантагрюэль, Книга III, гл. XXII, стр. 319. ГИХЛ, М., 1961.

функции слов, создание специфического контекста. В этом смысле показателен просмотр терминологических словарей, в которых толкуются и рассматриваются лишь те функции, которые возможны в каких-то определенных контекстах.

Это свойство — взаимосвязь между термином и контекстом — влечет за собой требование четкости в употреблении термина и недопустимость любого проявления небрежности в создании этих специфических стилистических единств. Выше мы уже говорили о случаях нарочитого нарушения единства контекста. Но, кроме этих заведомо стилистических искажений, научная литература пестрит обилием терминологических нелепостей, ведущих за собой массу неудобств. По этому поводу существует обширная литература (в этой сфере пробовали свое перо не только лингвисты, но и многие другие ревнители чистоты терминологического словоупотребления).

В последнее время, однако, можно заметить тенденцию обратного характера — оправдать некоторую вольность в терминологическом хозяйстве и обосновать стилистическую хаотичность терминированных контекстов. Так, С. К. Шаумян в своей книге «Структурная лингвистика» иллюстрирует удивительную пестроту в употреблении слова «модель». Он педантично перечисляет (с ссылкой на Чжао Юань Жаня) 30 значений этого существительного и завершает свою работу «разрешением» использовать тот или иной термин в том из смыслов, который больше по душе данному исследователю⁴. Некоторые исследователи прибегают к своеобразному приему толкования термина, рассчитанному, с одной стороны, как бы на «сообразительность» и интуицию читателя, а с другой — на то, что в процессе изложения материала будут вноситься коррективы в некоторое исходное определение, результатом чего может оказаться достаточно полное описание понятия. Пример такого подхода можно найти в книге Г. Глисона «Введение к дескриптивную лингвистику». Он пишет: «Фонема является одним из тех не поддающихся точному определению понятий, какие встречаются в каждой науке. И все же прежде чем перейти к дальнейшему изложению, необходимо иметь хотя бы рабочее определение фонемы. Определение, которое мы здесь приводим, пригодно лишь для первых шагов в изучении фонемы, но оно позволит проанализировать и перечислить фонемы английского языка. Это определение будет неоднократно углубляться и видоизменяться. Поправки будут вноситься в определение уже в процессе применения его в последующих трех главах»⁵. И действительно, далее можно встретить несколько «возвратов» к этой теме, в которую вносятся соответствующие коррективы, дополнения, оговорки (ср. стр. 60, 225, 231, 232, 239 и др.). Мы не будем возражать этой точке зрения, т. к. по этому поводу, повторяем, написано очень многое и в данной статье не ставим себе задачи вторгаться в сферу проблем культуры речи (кстати, проблема термина может иметь и этот специфический аспект). Но мы не можем не привести в указанной связи замечательные слова одного из наиболее ярких представителей старшего поколения советских лингвистов — В. Н. Сидорова. В заключении к вводной главе книги «Из истории звуков русского языка» В. Н. Сидоров пишет, что в противовес развившейся в последние годы манере изложения лингвистических трудов, осложненной обилием вновь вводимых терминов, делающих работу нередко трудно читаемой даже для специалистов, он старается «следовать примеру покойного проф. В. А. Богородицкого, писавшего с исключительной простотой». Далее В. Н. Сидоров замечает: «хотя И. А. Бодуэн де Куртенэ писал, что «В. А. Богородицкий излагает свои мысли просто до простоты», я был бы очень рад, если бы мне удалось достигнуть этой простоты»⁶.

Одним из важных свойств функционального аспекта терминированных слов является специфика употребления терминов за пределами естественной лексической среды (как, скажем, использование математической терминологии вне пределов математической лексики).

Примеры подобного рода весьма разнообразны. Остановимся на некоторых из них. Поэт И. Сельвинский в своей поэме «Челюскинана» (1937 г.), описывая будни героев,

⁴ С. К. Шаумян, Структурная лингвистика, стр. 81.

⁵ Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, 1959, стр. 40—41.

⁶ В. Н. Сидоров, Из истории звуков русского языка, стр. 6.

потерпевших кораблекрушение, останавливает свое внимание на работе начальника экспедиции академика О. Ю. Шмидта. Реальная ситуация сложилась так, что все свое свободное время ученый отдавал доказательству алгебраических теорем. И. Сельвинский же, большой мастер техники стиха, фактически пересказал содержательную сторону алгебраических построений Шмидта. И поскольку это было необходимо для достижения смысловой полноты стиха об алгебре, — в текст поэмы вкраплены математические термины и формулы. Это — принципиально новое явление в практике стихосложения (если не считать античных и некоторых средневековых образцов поэтической латыни — типа сочинений Лукреция и Джордано Бруно). И новое здесь заключается в том, что специалист терминологию и логарифмическую часть текста воспринимает как совершенно естественное изложение строгих и специфических математических идей. Психологическая основа восприятия этого текста специалистом математиком понятна — она основана на двух моментах: 1) высокой технике стиха, позволяющей «забыть» некоторое своеобразие формы изложения и 2) содержательной стороне излагаемого, не противоречащей привычным представлениям математиков.

Лингвистическая сторона здесь проявляется в нейтрализации функционирования термина. Действительно, попав в несколько своеобразную текстовую среду (стихотворный контекст), термин получает желанное звучание в силу характерного для него лексического окружения и приобретает соответствующую авторской установке стилистическую окраску.

Другой пример — употребление термина в вольном, но фактически специальном контексте. Поясним сказанное. Мировую известность получило имя французского математика Бурбаки. Он несколько напоминает русского Козьму Пруткову: у него есть и своя биография и место работы, семья и т. д., все, что может быть свойственно личности. Даже свой стиль, своя манера изложения мысли. Но нет... самой личности: она растворена в коллективе, группе талантливых людей, создавших целое направление в современной математике.

Лингвистическая физиономия этой группы неоднократно привлекала внимание стилистов и специалистов в области словоупотребления⁷.

Характерным для Бурбаки является полнейшее пренебрежение к традициям математического изложения — привычная строгость у него заменена вольным спокойным повествованием, иногда прерываемым юмористическими рассказами, шутками, забавными эпизодами. Но при всем том это — математика в самом полном и строгом смысле слова, причем, получившая мировое признание. И при всей, так сказать, «вольной» стилистике терминологический пласт лексики трудов Бурбаки безупречен по своей точности в изложении.

Оба приведенных примера убеждают нас в том, что непременным условием терминологического словоупотребления является лексический макроконтекст, характерный для данной сферы науки. Микроконтекстные же условия носят локальный стилистический характер, употребление термина в котором подчинено принципиальной авторской установке, проявленной в макроконтексте.

Логический приоритет макроконтекста над микроконтекстом не требует сложной аргументации. В самом деле, очевидна возможность микроконтекста в физической литературе, где речь идет о волане, как детали женского платья, в то время как характерный смысл этого слова принципиально другой, метафорический и, главное, терминологический.

Таким образом, когда речь заходит о требовании однозначности и стилистической нейтральности термина, то при этом имеется в виду не абстрактная языковая среда, где должны реализоваться эти требования, а условия широкого языкового фона данной сферы науки. Без выполнения этого условия термин перестает быть термином и может принять самые различные модификации — вплоть до того, чтоб стать средством создания экспрессии и юмора.

Таковы наиболее специфические свойства термина с функциональной точки зрения.

⁷ На русском языке, в частности о Бурбаки, написана интересная статья В. Раишевского (см. предисловие к статье Бурбаки «Архитектура математики»).